

Роберт Ирвин Говард

Народ тени

Роберт Ирвин Говард
Народ тени
Серия «Бран Мак Морн»

OCR Kel-kor: Kel-kor@ya.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156549

Оригинал: RobertHoward, "Men of the Shadow"

Перевод:

Владимир Карчевский

Аннотация

Норманн, римский наемник, попадает в плен к пиктам. Там , у костра, он слышит от жреца рассказ-легенду о судьбе этого племени.

Роберт Говард

Народ тени

* * *

*Лишь занялся рассвет Творенья,
Как тени из времен Тумана
Мы вышли с гордым устремленьем
Пройти путями великанов.*

*Мы были первыми, и взоры
Нам не темнили шоры Знанья
На Светом залитых просторах,
Открытых юному дерзанью.*

*С тех пор кочуем мы в пустынях,
И в море носит нас волна.
Мы новые творим святыни,
На камнях режем письмена.*

*Не ждем награды и не знаем,
Где будет наш последний дом.
Но неустанно созидаем
Историю своим трудом.*

*Лишь в нас связующие звенья
Седых веков и новых дней,
Как легких тучек отраженья
В лазурных зеркалах морей.*

*Когда Утраченное Пламя,
Что в наших теплится кострах,
Уйдет с другими племенами,
От нас останется лишь прах.*

*И вихрь времен его развеет.
И камень сокрушит вода.
И свиток памяти истлеет.
И не останется следа.*

*Но Стоунхенджа монолиты
В грядущие вещают дни
О том, что в капищах сокрытых
Мы стерегли свои огни.*

*Не старится лишь скал гранит.
Мгновенно время человека.
Но мир преданье сохранит
О людях каменного века.*

Меч со звоном ударил по мечу.

– Айлла! А-а-айлла-а! – неслоь из сотни диких глоток.

Они навалились на нас со всех сторон – сто на три десятка. Мы сбились в тесную кучку, прикрывшись щитами и выставив между ними копья. Наконечники копий были такими же алыми, как и наши шлемы. У нас было единственное преимущество – мы были хорошо вооружены, они – почти безоружны. Но эти полунагие демоны напирали на нас с таким остервенением, словно их тела были железными.

Вот они отхлынули, остановились чуть поодаль. Их тела были сплошь покрыты ранами, кровь разрисовывала их кожу фантастическими узорами. Они осыпали нас проклятиями.

Три десятка! Три десятка из пяти сотен, пришедших из-за Стены Адриана. О Зевс, как можно было посылать так нас! Такими жалкими силами пытаться разведать путь в варварскую страну, хозяева которой живут в давно минувшей для нас эпохе. Мы целыми днями маршировали по вересковым полям, прорубали скользкую багровую тропу среди орд, алчущих крови. Ночами мы отдыхали в укрепленных лагерях, но и туда дотягивался бесшумный кинжал. Резня, кровь, трупы...

И все это лишь для того, чтобы цезарь, сидящий где-то в

сказочном дворце со своими советниками и женщинами, в очередной раз услышал, что еще одна экспедиция бесследно исчезла на севере, в горах, покрытых вечной мглой.

Я посмотрел на своих товарищей. Среди них были родовитые римляне, были бритты, германцы, рыжеволосые гибетийцы. Вокруг нас кружили волки в людском обличье, постепенно сужая круг. Приземистые, волосатые, с длинными сильными руками, длинные космы падают на покатые лбы, глаза блестящие, словно у змей. Почти голые, зато в руках держат небольшие круглые щиты, размахивают копьями и кривыми саблями. В самом высоком из них нет и пяти футов, но широкие плечи говорят об огромной силе. Все быстрые и ловкие, как кошки.

Они навалились на нас толпой. Короткие сабли дикарей скрестились с нашими мечами. Они предпочитали драться на короткой дистанции. Нас тоже обучали этому, но наши большие и тяжелые щиты мало подходили для такого боя. Дикари быстро научились это использовать и старались достать снизу, пригнувшись.

Мы стояли плечом к плечу, и как только один из нас падал, смыкали ряды. Они напирали, оказавшись в конце концов лицом к лицу с нами, и их смрадное звериное дыхание ударило в наши ноздри. Они беспрерывно орали и улюлюкали. Мы стояли нерушимо, словно выкованные из стали, – исчезло все: вереск, холмы, время... Мы превратились в зверей, отчаянно дерущихся за свою жизнь. Мы растеряли в

этой схватке все: и разум, и душу. Взмах, удар. Взмах. Удар. Скрежет металла, морда бестии, выныривающая из пыли. Удар! Морда исчезает, появляется другая, столь же безобразная.

Годы воспитания, вдалбливания римских традиций рассеялись, словно туман под солнцем. Я снова стал дикарем, первобытным самцом, варваром, столкнувшимся с еще более древним варварским племенем, жаждавшим мести и крови.

Как я проклинал малую длину римского меча, которым приходилось сражаться. Копье сломалось, угодив в мой панцирь, на гребне шлема разлетелась на куски сабля, бросив меня на колени. Я с трудом поднялся и машинально отбил удар. И застыл с поднятым мечом.

Тишина. Абсолютная тишина! Ни одного врага передо мной. Все они тихо лежали, сжимая свои сабли мертвой хваткой, и лица на их иссеченных или изуродованных головах еще искажали гримасы ненависти. Из тех трех десятков, что сражались с ними, остались пятеро: двое римлян, бритт, ирландец и я. Это казалось неправдоподобным, но римское оружие опять победило.

Нам оставалось одно – возвращаться туда, откуда пришли. Со всех сторон нас окружали высокие горы. Снег, правда, лежал лишь на их вершинах, но и там, где мы стояли, было довольно холодно. Мы понятия не имели, как далеко забрались на север. Вся наша экспедиция была сплошным смазанным пятном в памяти, расплывавшимся в тумане. Но мы еще

помнили, что несколько дней назад то, что осталось от нашей армии, разметала буря, а следом за ней появились дикари. Днями напролет вокруг нас гудели военные рога, и нам приходилось сражаться за каждый шаг. Враг атаковал, не даруя нам ни минуты на передышку.

И вот теперь вдруг тишина. Кроме нас ни единой живой души вокруг. Мы рванули на восток, словно звери, уходящие от облавы. Но я успел-таки напоследок окинуть взглядом поле битвы. И увидел то, что наполнило радостью мое сердце. Один из мертвых варваров сжимал в руке длинный обоюдоострый меч. Норманнский меч. Клянусь Тором, понятия не имею, откуда он мог у него взяться. Скорее всего, какой-нибудь викинг, желторотый молокосос, когда-то размахивал им с пеной на устах. Так или иначе, меч теперь стал моим. Я немало потрудился, выкручивая его из окостеневшей руки дикаря.

С таким мечом я чувствовал себя увереннее. Короткий меч и тяжелый щит хороши, если сражаешься с противником среднего роста. Эти же недомерки – иное дело.

Мы ползли по горам, пробираясь по скальным полкам и карабкаясь на отвесные склоны. Мы, словно жуки, взбирались на огромные хребты, давившие на нас своей гигантской массой. Карлики. И нас постоянно хлестал ветер, вывший дико на разные голоса.

Враг преградил дорогу. Навстречу им вышел бритт. Он крутнул копьем, один из дикарей схватился за него. Бритт

бросился на дикаря, и они оба полетели в пропасть. В нас вспыхнула безудержная ярость, мы схватились за мечи, и через несколько мгновений все было кончено – четверо аборигенов неподвижно лежали у наших ног. Римлянин сел на камень, пытаясь остановить кровь, хлеставшую из рассеченной руки.

Мы сбросили убитых с тропы и стянули руку римлянина кожаным ремнем чуть повыше раны, кровь перестала течь. Мы пошли дальше – вперед, только вперед... По солнцу, медленно странствовавшему по небу над нашими головами.

Обойдя скальный обломок, лежавший на тропе, мы снова столкнулись с варварами. Увидев их, ирландец завопил от радости и побежал вперед. Те окружили его, словно волки. Первый, отважившийся приблизиться, лишился головы. Второй завыл, когда его рука, крутясь в воздухе, полетела в пропасть. Ирландец с воплем рассек грудь третьему и следующим ударом снес ему голову. Тогда они набросились на него все скопом. Свалка длилась недолго, и мы увидели, как на копье поднимается рыжеволосая голова. Лицо ирландца все еще горело жестокой радостью.

Они ушли, не заметив нас, и мы продолжили путь. Спустилась ночь, и лунный свет придавал всему вокруг оттенок неправдоподобия. Мы натыкались на следы отхода других групп – там, смотришь, легионер, пронзенный копьем, лежит на краю пропасти, там валяется тело без головы, там, в другом месте, голова без тела. Разбитые шлемы, поломанные

мечи и копья...

Теперь мы шли исключительно ночами, прячась днем среди камней. Мимо нас часто проскальзывали небольшие отряды варваров, иногда мы пропускали их, затаившись в камнях чуть ли не на расстоянии вытянутой руки.

Уже светало, когда пейзаж резко изменился. Мы вышли на плоскогорье, окруженное со всех, кроме южной, сторон горами. Мы надеялись, что отсюда наконец-то начнется спуск на спасительные равнины.

Мы остановились на берегу озера. Ни следа врага, ни облачка дыма заметно не было. Но римлянин вдруг поднял руку к лицу и упал, не издав ни звука. В его теле торчал дротик.

Мы посмотрели на озеро. Никаких лодок, плотов, вообще ничего не было на гладкой его поверхности. В прибрежных зарослях тоже никого. Мы разом повернулись, чтобы посмотреть на вересковые поля, и второй римлянин рухнул лицом вперед с дротиком в спине.

Я выхватил меч и лихорадочно обшарил взглядом окрестности. Вереск был настолько низок, что даже каледонец не смог бы в нем укрыться. На озере ни морщинки, почему же тогда одна из тростинок дрогнула, когда все остальные остались неподвижными? Я подошел ближе и вгляделся внимательнее. У подозрительной тростинки всплывал большой пузырь воздуха.

Я подошел еще ближе... и увидел отвратительную харю, тарашившуюся на меня из-под поверхности воды. Молние-

носное движение – и мой меч устремился к врагу. В самую пору, чтобы парировать удар копья, направленный в мое сердце. Вода взбурлила, и из озера выскочил дикарь с дротиком за поясом и дыхательной трубкой в обезьяньей руке. Теперь я знаю, почему так много римлян гибнет по берегам озер.

Я отбросил щит и все лишнее – все, кроме меча, кинжала и панциря. Я чувствовал, как растет, вздымается волной во мне злость. Я остался в одиночестве. Один во вражеской стране, среди дикарей, жаждущих моей крови. Клянусь Тором и Вотаном, я проучу их! Я им покажу, как уходит на тот свет норманн! С каждой секундой с меня сползала шелуха цивилизованности, все меньше во мне оставалось от римлянина, представителя древней цивилизации, высокой культуры, все сильнее давали о себе знать примитивные инстинкты, жажда крови.

Меня охватил гнев, подзуживаемым типично норманнским презрением к врагу. Я чувствовал себя прекрасно и был готов к любым неожиданностям. Тор видел, как я сражался до сих пор, и знает, что во мне жива еще душа норманна, воинственного викинга, более глубокая и таинственная, чем бездонные пропасти Северного моря. Я перестал быть римлянином, я снова был норманном, рыжебородым варваром, я шел по вереску уверенно, как дома. Кто такие эти пикты? Недоразвитые карлики, чье племя уже вымирает. Откуда во мне бралась такая бешеная ненависть? А чему тут удивлять-

ся? Чем больше поддавался я инстинктам, тем сильнее горел во мне огонь нетерпимости. Была еще одна причина, о которой я тогда даже не догадывался. Пикты были людьми совершенно иной эпохи. Кельты и норманны вытеснили их, надвинувшись с севера. Где-то глубоко в моем подсознании хранились воспоминания о многолетних жестоких войнах. К этому следует добавить все те ужасные истории, что рассказывают о пиктах. Я видел их кромлехи, разбросанные по всей Британии, видел огромную стену, воздвигнутую около Кориниума. Я знал, что кельтские друиды люто их ненавидят. Но и они не в состоянии были объяснить, ни каким образом были построены эти гигантские сооружения, ни зачем это было сделано. Ответ напрашивается единственный: колдовство. Более того, пикты считают себя избранным народом, что лишь подхлестывает сплетни.

Я снова думал о том, с какой, собственно, целью отправлены были в эту самоубийственную экспедицию пять сотен легионеров. Одни говорили, что нас послали схватить некоего пиктского жреца. Другие считали, что главная задача – найти их главаря – Брана Мак Морна. Никто из нас, однако, ничего не знал точно. Разве что наш командир знал цель экспедиции, но он давно уже грызет землю.

Я хотел бы встретиться с Браном Мак Морном. Говорят, ему нет равных в бою – как один на один, так и в строю. До того среди пиктов я не видел ни одного похожего на такого вождя. Хотя они явно спаяны были жесткой дисциплиной.

"Быть может, мне повезет, – думал я, – и он не откажется скрестить со мной меч".

Я больше не крался тайком. Хватит! Ускорив шаг, я громко запел старинную кельтскую песню, отбивая ритм рукояткой меча по щиту. Где вы, пикты? Я встречу вас как подобает воину.

Я прошел так несколько миль и наткнулся на них наконец за небольшим холмом. Если они рассчитывали, что я, увидев несколько сотен воинов, брошусь наутек, то очень ошибались. Я направился к ним не замедляя шага, с той же песней на устах. Один из них, набычившись, бросился на меня, но наскочил на меч, разваливший его чуть не пополам. Следующий замахнулся копьем, но я отбил его в сторону, и пикт свалился наземь с огромной дырой в животе. Затем ко мне подскочили сразу несколько дикарей. Одним могучим ударом я очистил пространство вокруг себя и стал спиной к скале. Меч работал теперь просто замечательно – ни один удар не пропал даром. Один из пиктов хотел ударить снизу – ох, хитрец! – но его сабля скользнула по моему панцирю, а уж я-то не промахнулся. Они стайей кружили вокруг, но никак не могли достать меня своими коротенькими саблями. Те, что пытались подобраться поближе, тут же лишались головы. Но вот меня заставили увернуться от копья и, прежде чем я успел выпрямиться, чья-то сабля рассекла мое правое предплечье. Вторая ударила по шлему. Я пошатнулся и махнул мечом наобум, но в тот же миг в мою правую руку вон-

зилося копьё. Я упал, но снова поднялся, мощным ударом разметав врагов. Я чувствовал, как вместе с кровью покидают меня силы. Взревев словно лев, я рванулся вперед, нанося удары налево и направо, полагаясь лишь на панцирь, если говорить о защите. Я падал, но снова поднимался, моя правая рука болталась беспомощно, и я сжимал рукоять меча левой ладонью. Но вот я упал и снова подняться уже не смог.

Множество копий устремилось к моей груди, но тут раздался властный голос:

– Прекратите! Оставьте его!

Я поднял голову и словно сквозь пелену тумана увидел продолговатое смуглое лицо человека, отдавшего этот приказ.

Это был стройный темноволосый мужчина, ростом едва достигавший моего плеча, но, судя по всему, очень сильный и ловкий. Его опрятную и хорошо пригнанную одежду дополнял длинный прямой меч. Хотя человек этот совершенно не похож был на окружавших его пиктов, чувствовалось, что он имеет над ними безграничную власть.

– Я видел тебя уже, – сказал я к немалому его удивлению. – Ты появлялся среди пиктов, когда погибали их вожди. Кто ты такой?

Едва я вымолвил эти слова, все вокруг меня завертелось, я уткнулся лицом в траву. Последнее, что я услышал, было:

– Перевяжите ему раны, напоите и накормите!

Я немного знал язык, перенял у пиктов, приходивших к

нам торговать.

Приказания вождя были исполнены. Я начал постепенно приходить в себя, но, выпив верескового пива, уснул.

Когда я проснулся, луна сияла высоко в небе. На мне не было уже ни панциря, ни шлема. Меня сторожили несколько вооруженных пиктов. Увидев, что я проснулся, они знаками заставили меня подняться и повели по вересковому полю. Вскоре мы подошли к холму, на вершине которого горел костер. Рядом с костром сидел на валуне вождь, вокруг, словно духи Мира Тьмы, стояли воины.

Я смотрел ему в лицо, не испытывая страха. Я чувствовал, что этот человек отличается от тех, с кем мне приходилось сталкиваться ранее. От него исходила некая удивительная сила, мне казалось даже, что он смотрит на людей откуда-то сверху, с каких-то недостижимых вершин многовековых знаний и опыта.

Он сидел, подперев рукой голову, и о чем-то думал.

– Кто ты такой?

– Гражданин Рима.

– Римский легионер. Один из тех волков, что терзают мир, – уточнил он.

Толпа воинов шевельнулась.

– Что ж, есть и такие люди, которых мы не любим даже больше, чем римлян. Но ты ведь римлянин, не так ли? Правда, мне казалось, что римляне пониже ростом. И твоя борода? Что это она так порыжела?

Уловив саркастический тон в его голосе, я поднял повыше голову и гордо произнес:

– Я норманн по рождению.

Толпа издала дикий вопль и надвинулась на меня угрожающе. Вождь остановил ее взмахом руки. Он не сводил глаз с моего лица.

– Мои люди ненавидят норманнов еще больше, чем римлян за их постоянные набеги на наше побережье. Хотя, по моему, большей ненависти достойны все же римляне.

– Но ты ведь тоже не пикт!

– Я медиторианин.

– Из Каледонии?

– Из большого мира.

– Так кто же ты такой?

– Бран Мак Морн.

– Что?!

Я ожидал увидеть гиганта, монстра, или, напротив, карлика, но только не такого человека, которого видел перед собой.

– Ты не такой как они.

– Я такой, какими были все пикты когда-то, – ответил он.

– Почему вы так ненавидите других людей? – спросил я растерянно. – Ваша жестокость устрашает соседние племена.

– А за что нам их любить? – Его черные глаза злобно сверкнули. – Эти кочующие племена одно за другим вытесняли нас с наших плодородных земель, пока не загнали на

вересковые пустоши. Мы вырождаемся телом и душой. Посмотри на меня! Таким, как я, был когда-то любой из пиктов. Ведь когда-то не было в мире народа, более счастливового, чем наш.

Я невольно вздрогнул, услышав ненависть, прозвучавшую в его голосе.

Из толпы воинов появилась девушка, она тихо подошла и села рядом с вождем. Тоненькая, совсем еще ребенок, она, казалось, стеснялась своей красоты. Черты лица Мак Морна смягчились, он обнял ее рукой за плечи. Его взгляд затуманился.

— Это моя сестра, норманн, — представил он мне ее. — Говорят, один богатый купец из Кориниума посулил тысячу слитков золота тому, кто доставит ее к нему.

Я почувствовал нотку печали в его голосе. Становилось темно, луна уже клонилась к горизонту.

Голос вождя прервал тишину.

— Этот купец послал к нам своего шпиона. Я отправил назад, за Стену, его голову.

Вдруг передо мной выросла человеческая фигура. Это был очень старый мужчина, на котором ничего, кроме набедренной повязки, одето не было. Длинная белая борода спускалась к нему на грудь, все тело покрывала татуировка. Лицо старика было изборождено сотнями морщин, кожа была чешуйчатой, словно у змеи, из-под широких густых бровей зорко смотрели огромные глаза. Воины взволнованно зашу-

мели, девушки плотнее прижалась к Мак Морну, она была явно напугана.

– Бог войны оседлал ночной ветер, – произнес старец. – Ястребы чувят кровь. Чужие ноги топчут дороги Альбиона, чужие весла взбивают воды Северного Моря.

– Поделись с нами тем, что знаешь, – приказал Мак Морн.

– Ты прогневал старых богов, вождь, – сказал старец. – Храмы Змея опустели. Белый Бог Луны уже не тешится людским телом. Властители стихий смотрят вниз с осуждением. Хай! Они говорят, что вождь идет неверным путем.

– Хватит! – твердо сказал Мак Морн. – Могуществу Змея пришел конец. Народ пиктов не будет больше приносить человеческие жертвы силам Тьмы. Запомни это, жрец!

Старец перенес на меня взгляд огромных горящих глаз.

– Вижу здесь золотоволосого дикаря, – послышался его громкий шепот. – Вижу ясный ум и крепкое тело, они порадовали бы богов.

Мак Морн медлил с ответом.

Девушка обняла его за шею и что-то прошептала на ухо.

– В пиктах остались еще следы человеческих чувств и милосердия, – сказал он с горечью в голосе. – Это дитя просит, чтобы я отпустил тебя на свободу.

Он сказал это по-кельтски, но воины поняли, и из их рядов послышался ропот.

– Нет! – взвился жрец.

Терпение вождя тоже имело границы. Он встал.

– Я сказал, что норманн уйдет отсюда на рассвете свободным.

Ответом ему послужило враждебное молчание.

– Кто осмелится возразить мне? – спросил он.

– Послушай, вождь, – сказал жрец. – Я живу на земле уже вторую сотню лет. Я видел многих вождей, они приходили и уходили. Я видел многих завоевателей. Я сражался с магией друидов в их темных лесах. Ты недооцениваешь мое могущество, человек Старой расы. Я бросаю тебе вызов. Померимся силами!

Ни единого слова не прозвучало в ответ. Мужчины вышли в освещенный мигающим пламенем костра круг.

– Если я одержу победу, Змей вернется, а ты станешь моим слугой. Если повезет тебе, служить придется мне.

Жрец и вождь стали друг напротив друга. Их взгляды скрестились подобно мечам, затем встретились. Глаза жреца с каждой секундой становились все шире и шире, глаза вождя сужались. Казалось, из них плыла навстречу друг другу неведомая мощь. Уверен, именно в этом был смысл поединка. У жреца были его древние, тысячелетиями культивировавшиеся тайны и секреты, его поддерживали неведомые силы, знание о которых ныне утрачено. За Мак Морном стояло будущее, сила возрождающейся цивилизации, чистый и прозрачный свет завтрашнего дня. Исход поединка решал судьбу пиктов. Оба они вкладывали в это необычное сражение все свои силы. На лбу вождя выступили жилы. Глаза и то-

го и другого блестели и мигали. Вдруг маг тяжело вздохнул, прикрыл рукой глаза, вскрикнул и пустым мешком осел на землю.

– Достаточно, – выдавил он, поднимаясь с трудом. – Ты победил, Бран Мак Морн.

Напряжение спало, но глаза всех остались прикованными к победителю. Бран Мак Морн тряхнул головой, словно избавляясь от ночного кошмара. Он сел на валун, и девушка обняла его, щебеча что-то тихим веселым голосом.

– Меч пиктов остер! – бормотал маг. – Оружие пиктов непобедимо. Хай! Родился великий вождь среди людей Запада. Посмотри на древний огонь Исчезнувшего Народа, о Волк Вересковых Полей! Хай! Он говорит, что у народа пиктов появился настоящий вождь.

Жрец ступил на угли костра, бормоча что-то про себя. Разбрасывая раскаленные угли голыми ногами, он двинулся по кругу и затянул вполголоса нескладную, тихую, но полную чарующего ритма песнь:

Озера серебрятся прежних богов снами,

Духи играют вересковыми волосами,

Дует ночной ветер, и затуманенный месяц

Скользит по воде,

Поблескивая над волнами.

На вершинах холмов кричат злые ведьмы,

В вечной охоте мчат серые волки, и негасимый

Горит над вереском нерукотворный свет.

Старец перебирал ногами в такт песне, останавливаясь время от времени, чтобы выкрикнуть очередную фразу.

*О боги вересковых полей и озер боги,
Властитель гор и болот, чье имя – тайна,
Могучий хозяин лунного серпа,
Покажите нам свои шакалиные лики.
О божественный змей, пусть твои кольца
Вечно сжимают мир.
Смотрите – вот то, чего никто не видит,
Вот горят языки пламени,
Я хожу по раскаленным углям,
Догадайтесь, о чем я думаю!
Сила жара меня переменит,
Тень станет сейчас человеком,
Дым вознесется столбом.
Огонь горит, дарит тепло,
Сжигает все, что принесено океаном,
Он скажет нам все,
Что мы захотим узнать.*

По углям поползли голубоватые огоньки, вспыхивающие вдруг и исчезающие в треском, далеко разносившимся в тишине. Клубы дыма поднимались выше и выше, образуя темное облако.

*На небе Млечного Пути река;
Она течет над вереском, над горами, над мглою, над долиной,*

*Боги Старых земель далеко,
Но то, что сотворено мраком, бессмертно, бессмертно.
Смотрите же, не отводя глаз,
В мистическое пламя снова и снова,
Внимайте легенде о Безымянном Племени.*

В сгустившемся дыму мрачным огнем горели огромные глаза старца. Голос доносился откуда-то издалека, из какой-то невероятной бездны, в нем не осталось ничего человеческого, он как бы жил сам по себе, жизнью чего-то, рожденного тьмой неисчислимых ушедших веков и использовавшего сейчас язык жреца в качестве посредника.

И тут я заметил нечто еще более странное. Обступившая жреца толпа была нема и неподвижна, словно скульптурная группа, высеченная из камня. Вокруг колыхался вереск, над костром нависало темное небо с редкими светлячками звезд. Безобразные лица пиктов размывались во мраке, лишь иногда выхватываемые светом мерцавших на углях огоньков. Бран Мак Морн сидел, словно статуя, спокойно глядя в костер.

– Могучий народ Средиземья!

Лица пиктов ожили, глаза заблестели. Я размышлял над словами жреца. Похоже, ничто на свете не сможет цивилизовать этих первобытных людей. Они необузданны в своих чувствах и стремлениях, они жестоки и упорны, в них живет дух Века Камня.

– Вы древнее покрытых снегом гор Каледонии!

Воины шагнули вперед, боясь упустить хоть одно слово. Они жадно внимали жрецу, хотя слышали все это, вероятно, не в первый раз.

– Норманн, – сказал вдруг жрец, – что ты знаешь о землях, лежащих за Проливом?

– Там остров Гиберия. Но зачем это тебе?

– А за ним?

– Острова, которые кельты называют Араном.

– А еще дальше?

– Не могу понять, зачем ты об этом спрашиваешь. Что там дальше, никому не известно. Ни один из кораблей не заплывал так далеко. Правда, мудрецы говорят, что именно там где-то затерялась легендарная страна Туле. Где-то на краю света, никто ее не видел.

– Хай! Великий Западный Океан омывает берега многих неведомых островов, таинственных континентов... Далеко-далеко за его необъятными водами высятся два гигантских материка. Они так велики, что рядом даже с меньшим из них Европа казалась бы карликом. На обоих материках живут люди. Людские племена появились там тогда еще, когда здесь лишь змеи ползали да обезьяны в лесах по деревьям лазали. За этими двумя материками раскинулся еще один огромный океан – Океан Тихих Вод. В нем полно островов, которые были некогда вершинами гор затонувшего континента Лемурии. Материки соприкасаются друг с другом, их соединяет узкая полоска земли. Западные берега северно-

го материка дики и неприступны, там возносятся к небесам величественные горные массивы. Однако когда-то вершины этих горных хребтов были островами, на них-то и жило в незапамятные времена пришедшее туда с севера Безымянное Племя. Случилось это многие тысячелетия назад, человек сошел бы с ума, пытаясь их сосчитать. На тысячи миль на север и на восток простирались земли Племени на древнем материке до проливов, отделявших эту землю от Азии...

– Азии?! – воскликнул я удивленно.

Старец гневно тряхнул головой и окинул меня горящим взглядом.

– Именно там, во мраке непостижимого для нашего понимания прошлого сформировалось и окрепло это племя. Долго, очень долго жило на островах Племя. Были они людьми примитивными, но искусными в охоте, которой занимались многие века, сильными и ловкими, словно пантеры, хотя невысокими и не слишком мускулистыми. Никакие иные народы не смогли бы тогда соперничать с ними. Впрочем, они были первыми. Они одевались в звериные шкуры, пользовались орудиями, вытесанными из камня. Осев на западных островах, омывавшихся теплым ласковым морем, они провели там многие тысячи лет. Земля там тучная, плодородная – они занялись земледелием, научились выращивать злаки и овощи, ткать и прядь, строить крепкие жилища, дубить шкуры животных, лепить горшки и прочую домашнюю утварь. Западнее их островов лежал тогда огромный мрач-

ный материк – Лемурия. Оттуда все чаще стали докучать набегами Морские Люди. Странная это была раса, ведущая род свой не иначе, как от каких-то морских чудовищ. Они плавали, как рыбы, и могли часами пребывать под водой. Много раз появлялись Морские Люди у островов, но Племя всегда давало им отпор. Иногда люди племени гнались за ними до самой Лемурии и так постепенно знакомились с материком – на востоке и западе его росли тогда густые леса, в которых обитали ужасные чудовища и обезьянолюди. Шли годы, уходили века, Безымянное Племя совершенствовалось в земледелии и ремеслах, но постепенно забывало о военном искусстве. Вот тогда-то на мир обрушилось чудовищное землетрясение. Небо поменялось местами с морем, и земля задрожала между ними. Ударили молнии, и западные острова поднялись высоко над водой, превратившись в хребты гигантских горных массивов. Лемурия исчезла в бушующих волнах, на поверхности остался лишь большой гористый остров, окруженный несколькими клочками суши, которые раньше были вершинами гор.

Появились вулканы, они заливали лавой все вокруг. Племя двинулось на восток, оттесняя в сторону обезьянолюдей. Выйдя на широкие плодородные равнины, они поселились там и жили спокойно многие века, но прошло время и вновь пришла беда – из Арктики надвинулся огромный ледник. Племя снова покинуло насиженное место, кочевье на этот раз длилось несколько тысяч лет. Безымянное Племя шло и

шло на юг. Они добрались до Южного материка, но он оказался им непригодным для жизни – много воды, сплошные болота, кишасшие змеями. Племя построило плоты и лодки и поплыло к лежащему поодаль огромному острову – это была Атлантида. На острове жили многочисленные племена атлантов. Атланты были людьми огромного роста и могучего телосложения, но они все еще жили в пещерах, их племена были разрозненными, они мало разбирались в военном искусстве, и Племя постепенно вынудило их покинуть остров. Оказавшись в Европе, атланты ввязались в затяжную войну с обитавшими там потомками лемурийцев. Живший в то время в Европе могущественный волшебник наложил заклятие на Атлантиду, превратив ее в остров-призрак. Все людские племена бежали с острова, и с тех пор ни один корабль не может к нему приблизиться и тем более пристать. Безымянное Племя высадилось в Африке, оттуда побережьем добралось до Синего моря, где и осело на плодородных гостеприимных берегах. Многие века в мире и довольствии жило племя, расселяясь постепенно от африканских пустынь до Синего моря, от Нила до холмов Альбиона. И везде они обрабатывали землю, лепили горшки, ткали ткани, и не было их искуснее в этих ремеслах. Затем с севера нависла над племенем новая угроза – из Страны Безбрежных Снегов, с берегов далекого Северного моря пришли на их земли кельты, вооруженные бронзовыми мечами и копьями с бронзовыми же наконечниками. Пикты, как к тому времени стали звать

людей Безымянного Племени, сопротивлялись отчаянно, но их оружие было каменным, а кельты все, как на подбор, были опытными и умелыми воинами, закаленными во многих кровавых передрягах. Пикты же за многие века мирной жизни разучились воевать и проигрывали теперь сражения одно за другим. В конце концов их оттеснили на пустынные бедные земли по окраинам обитаемого мира. Так случилось, например, с альбийскими пиктами. Их прогнали на запад и север, там они смешались с племенами рыжеволосых великанов, которых некогда сами же изгнали из Атлантиды. Шли века, и пикты начали вырождаться. Невысокие, коренастые и черноволосые пикты, смешавшись в рыжеволосыми потомками атлантов, положили начало новому племени – племени людей с деформированным телом и разумом. Эти новые пикты замечательно умели воевать, но быстро утрачивали все прочие полезные навыки и умения. Лишь род пиктских вождей сохранил чистоту крови – именно поэтому ты таков, каков есть, Бран Мак Морн.

Несколько мгновений царила тишина. Молчаливое кольцо воинов мечтательно слушало, как гаснет эхо последних слов жреца. Лишь ночной ветер тихо шумел в листве. Его порывы раздули костер, вспыхнувший высоким пламенем, ярко осветившим все вокруг.

Жрец заговорил снова.

– Слава Безымянного племени растаяла как снег, как дым развеялась в воздухе. Исчезла память об Атлантиде, пала

империя лемурийцев. Люди Каменного Века тоже тают, как иней на солнце. Мы пришли из мрака и уходим во мрак. Мы тени, народ теней... Наше время на исходе. В храмах Бога Луны воют волки. Водяные змеи плавают по улицам наших затонувших городов. На юге королевство тольтеков – потомков лемурийцев, распалось в прах. Древние народы уходят, все сильнее становятся племена Нового Мира.

Старец выхватил из костра тлеющую головню и мгновенно начертил ею в воздухе круг и треугольник. Мистические символы вспыхнули ярко и тут же погасли.

– Круг без начала, – бормотал старец, – и без конца. Змей, кольцом свернувшийся вокруг мира и прикусивший пастью хвост. Мистическая Троица: Начало, Бытие, Конец. Сотворение, Защита, Уничтожение. Уничтожение, Защита, Сотворение. Жаба, Яйцо и Змей. Змей, Жаба и Яйцо. Огонь, Воздух и Вода. Бог огня хохочет...

Истовость, с которой пикты смотрели в костер, вызывала во мне страх. Огонь затухал, разгорался снова, стреляя языками пламени, постепенно превращаясь в странную желтоватую дымку, застилавшую землю, небо – все вокруг. Я почти не чувствовал своего тела, лишь глаза смотрели по-прежнему зорко.

И вдруг в этом желтом тумане начали вырисовываться контуры некоего неведомого мира, и перед моими глазами поплыли смутно различимые картины далекого прошлого.

Я увидел поле битвы, на нем похожих на Брана Мак Мор-

на людей, сражавшихся с высокими стройными воинами, вооруженными копьями и бронзовыми мечами.

Затем появилось еще одно поле битвы, и я понял, что это уже совсем иная эпоха. Высокие стройные воины люто дрались с наседавшими на них желтоволосыми дикарями. Вторжение бриттов?

Потом я увидел целую серию быстро сменявших друг друга картин, но почти ничего не успел уловить. Мне показалось лишь, что все они относились к каким-то очень важным, переломным событиям в истории человечества. Вот появилось на мгновение чье-то лицо. Лицо властное, с горящими глазами стального цвета и рыжими усами над тонкогубым ртом. Это, наверное, кельтский вождь Бреннус, галльские орды которого разрушили Рим. Затем мелькнуло надменное лицо с чертами, искаженными жестокой злобой. Цезарь!

Густой тенистый лес. Гул сражения. Легионы, напирющие на орды Карактакуса.

Уходящие в прошлое дни славы и могущества Рима. Легионы, марширующие в триумфальных походах, сотни и сотни пленников. Наслаждающиеся жизнью тучные сенаторы, благородные римляне, гордые и надменные, роскошные бани, пиры и забавы. И внезапно – дико взлохмаченные бороды варваров. Светловолосые суровые норманны, могучие германцы, неистовые валлийцы и даммонцы и их извечные враги – пиктские силуры. Прошлое расплывается, его постепенно сменяет настоящее. И будущее!

– Вот падение Рима, – вновь зазвучал голос мага. – Ноги вандалов попирают Форум, орды варваров катятся по Виа Аппиа, рыжеволосые дикари насилуют жриц в храмах Весты. Рим пал!

Радостный вой разорвал ночную тишину.

– Вижу пиктов, спускающихся с гор.

Во мраке появилось лицо Брана Мак Морна.

– Слава Великому! Я вижу народ пиктов, идущий к новому свету.

На востоке вспыхнули первые лучи утренней зари. В полумраке рассвета бронзовой маской светилось лицо Брана Мак Морна. Его бездонные черные глаза неотрывно смотрели в огонь, словно искали там исполнения сокровенных желаний и залог успеха великих планов и начинаний.

– С чем не могли справиться оружием, справлялись смекалкой. Это длилось многие годы, многие века, многие тысячелетия. Но время неумолимо, восходит звезда иных народов. Нам придется уступить им место. Нашей последней опорой станет туманная гора Гэллоуэй. Когда придет день и Бран Мак Морн падет в сражении, огонь нашей славы погаснет. Погаснет навсегда.

Как бы в ответ на эти слова пламя костра взметнулось высоко вверх. Таинство закончилось, мгла рассеялась бесследно.

Над горами поднималось солнце.